

© 2014 г.

Е.Н. КИРИЛЛОВА

НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД В МАНУФАКТУРНУЮ ЭПОХУ

Основная проблема социальной истории раннего Нового времени – появление наемных рабочих и предпринимателей – охватывает целый комплекс процессов. Историки, концентрируясь на таких сторонах генезиса капитализма, как первоначальное накопление капитала, технические и технологические новшества, новые способы организации производства, а также на радикальных переменах в картине мира – как в плане расширения его границ, так и в плане реформационных процессов в Европе, и на ряде других, не менее важных для понимания Нового времени сюжетов, придавали не самое большое значение неквалифицированному труду, считая его существенным, но не ведущим признаком изменений. Именно неквалифицированный труд как категория, ярко отразившая перемены мануфактурной эпохи, находится в центре внимания данной работы.

Наилучшим образом обозначить изменения в организации производства и жизненном укладе в мануфактурную эпоху позволяет такая характеристика наемных работников, как их роль в производственном процессе, что наиболее последовательно выявляют введенные К. Марксом в “Капитале” понятия “частичного” (или одностороннего частичного) и “совокупного” (или комбинированного совокупного) рабочего. Первый выполнял часть операций, необходимых для получения конечного или промежуточного продукта, второй “составлялся” из многих “частичных” рабочих¹. Однако исходной точкой размышлений и анализа К. Маркса был современный ему капитализм, и наибольший интерес для него представлял переход от мануфактурного к машинному производству, в данном аспекте – совершенствование “частичного” рабочего, “частичной работы” и орудий, высочайшая виртуозность “частичных работников” и в связи с этим – рост производительности их труда². К. Маркс не ставил вопроса о том, как и когда появляется “частичный” рабочий, и, соответственно, не стремился на него ответить. Очевидно, что этот вопрос относится к другому периоду и другому этапу – к переходу от ремесленного производства к мануфактуре.

Определения “частичный” и “совокупный” характеризуют итог произошедших изменений в состоянии рабочей силы, потерю ею целостности. “Частичность” состояла в том, что в одной мастерской (в одном помещении) находились многие работники, выполнявшие ряд последовательных операций. Из рук одного человека продукт сразу попадал в руки другого³, и работа каждого из них не могла быть выполнена в отсутствие другого работника. “Частичность” не равнозначна низкой квалификации. “Частичный”

Кириллова Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ученый секретарь Института всеобщей истории РАН.

¹ Маркс К. Капитал, т. 1. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23. М., 1960, с. 351, 361.

² Там же, с. 351 – 354.

³ Там же, раздел “Развитие машин” главы XIII “Машины и крупная промышленность”. Также см. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1. 1700 – 1870 гг. М., 2013, с. 57, прим. 26.

рабочий может иметь высокую и высочайшую квалификацию, но только в отношении одной или нескольких операций, и эти знания, очень специализированные и ограниченные, никогда не позволят ему произвести продукт целиком и полностью, в то время как средневековые ремесленники, а также ремесленники в Новое время, и мастера, и подмастерья, не только “целостны”, но и высоко квалифицированы в отношении всех возможных и необходимых этапов работы. “Частичный” работник способен заменить другого работника, но лишь такого же, как он сам. В отношении других операций он превращается в низкоквалифицированного работника. Таким образом, потеря “целостности” происходит одновременно с потерей в квалификации.

Подмастерье, наиболее вероятный и перспективный кандидат в наемные работники, работал по найму и в этом отношении выглядел почти как “пролетарий”, который не имеет и не может предложить ничего, кроме “своих рук”, своей “рабочей силы”⁴. Такое понимание позволяет ряду исследователей говорить о создании рынка труда даже к XIII в.⁵, что в действительности не соответствует характеристике подмастерья, поскольку упускаются важные особенности его состояния. Будучи историческим и логическим продолжением средневекового⁶, наемный труд раннего Нового времени унаследовал целый ряд признаков, малоизвестных или вовсе неизвестных капиталистической эпохе.

Прежде всего, подмастерье “предлагал” не только свою “рабочую силу”, он досконально знал свое ремесло и умел применять знания на практике. Важной характеристикой этих знаний была их полнота: подмастерье мог делать любую часть работы и весь комплекс работ, как и мастер.

Плата, которую подмастерье получал за свой труд, никогда не состояла из одних только денег. В нее всегда входили кров, еда и одежда, что сохранялось и в раннее Новое время⁷. Подобно многим другим корпорациям, портные и старьевщики Реймса и в XVIII в. требовали от мастера, нанимавшего на работу подмастерьев, обеспечивать им зарплату, “горшок, хлеб и постель”⁸. Важной – и обязательной – частью доходов подмастерья были полученные им от хозяина дары⁹. Нанимаясь к мастеру, работая в его мастерской, его инструментами, из его сырья, под его контролем, подмастерье более

⁴ *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. – *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 2. М., 1955, с. 349; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1992, с. 37. О том, что в раннее Новое время подмастерья и ученики становятся почти пролетариями, продающими свою рабочую силу, см. *История Франции.* Отв. ред. А.З. Манфред, т. 1. М., 1972, с. 162.

⁵ *Бродель Ф.* Указ. соч., с. 39.

⁶ Анализируя отношения найма в XIV–XV вв., известный отечественный ученый А.Н. Чистозвонов подчеркивал, что в это время наниматель и тот, кто нанимался на работу, выступали чаще всего как “разряд держателей на феодальном праве”, и формы найма носили феодальный характер. – *Чистозвонов А.Н.* Генезис капитализма. Проблемы методологии. М., 1985, с. 28–29. См. также: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008, с. 48–58, 296, 300. О пестроте материальных условий жизни учеников и подмастерьев предреволюционной Англии и об их этической близости “к своим средневековым предшественникам... не к наемным рабочим нового времени” см. *Барг М.А., Черняк Е.Б.* Великие социальные революции XVII–XVIII вв. М., 1989, с. 119.

⁷ О связи мануфактурных рабочих с землей см. *Чистозвонов А.Н.* Генезис капитализма, с. 74. О домах для управляющих, мастеров и подсобных рабочих, об организации их питания на горных промыслах см. Статуты, установленные Жаном Дове для эксплуатации рудников. – *Плешкова С.Л.* К истории купеческого капитала во Франции в XV в. (Жак Кёр и его деятельность). М., 1977, с. 157–169.

⁸ Регламент 1716 г. – *Archives législatives de la ville de Reims.* Publ. par P. Varin. Pt. 2. Statuts, v. 2. Paris, 1847, p. 523, XIII.

⁹ *Дэвис Н.З.* Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI. – *Одиссей.* Человек в истории. 1992. Историк и время. Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1994, с. 196, 199–200. О понимании средневековой экономики как разновидности экономики дара см. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб., 2010, с. 192–196.

или менее успешно закладывал фундамент собственного благополучия и карьерного роста – потенциально он мог стать мастером, таким же, как его работодатель¹⁰.

Полагая, что именно мануфактура создала необученных рабочих, а ремесленным производством они строго исключались, К. Маркс называл нововведением и особенностью мануфактуры “иерархию рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат”. Мануфактура “превращает в особую специальность отсутствие всякого развития”, и “наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных”¹¹.

Однако разные квалификации были востребованы и ремесленным производством. Применение неквалифицированного труда определялось спецификой профессии и особенностями разных этапов работы. При общем невысоком социальном статусе людей, занимавшихся таким трудом, они обладали разными социальными характеристиками и перспективами.

Это чернорабочие и подсобные работники, прежде всего в тех отраслях, где работа физически не могла быть выполнена одним человеком, например, в строительстве. Потребность в таком труде была постоянной, что гарантировало невысокий, но стабильный заработок. Отсутствие специальных знаний и запреты на обучение чернорабочих, порой официально вводимые, не позволяли им приобрести более высокий статус.

В отличие от них ученики в начале обучения – тоже постоянная категория неквалифицированных работников – в этой роли не задерживались. Новые знания и профессиональный опыт меняли их социальный статус с уровня “подай – унеси”, “подержи” и “не лезь, куда не просят”, естественной и практически неизбежной стадии обучения, к лучшему.

Третья постоянная категория неквалифицированных работников – жена и дети мастера (до начала обучения последних), домочадцы и прислуга в его доме. Чаще всего они разделяли с новыми, еще не обученными учениками такие виды работы, как уборка, ожидание клиентов в лавке и мастерской, передача изделия заказчику и т.п. Но не будь их, все это должен был бы делать мастер самостоятельно, тратя время, которое он мог посвятить своей профессиональной деятельности, обеспечивавшей ему заработок.

Потребности мануфактурного производства изменили статус неквалифицированного труда и, что происходит гораздо медленнее, – представление о нем. Из вспомогательного и, на первый взгляд, даже необязательного он перешел в категорию основного и безусловно необходимого, когда сумма последовательно выполненных неквалифицированными и малоквалифицированными работниками простейших операций стала составлять целый производственный процесс или, как минимум, важную его часть.

Даже такое действие, как перемещение изделий или сырья, стало отдельной профессией. В шелководии Лиона, например, в XVIII в. выделилась категория женщин, которые зарабатывали на жизнь тем, что переносили шелк из одной мастерской в другую¹². Пока производство находилось в помещении ремесленной мастерской, перемещение деталей и сырья происходило на очень небольшие расстояния в пределах мастерской (или с рынка в мастерскую), как и доставка готового изделия потребителю: из комнаты к окну, нередко служившему прилавком, в пределах дома заказчика (крупные изделия), максимум – в границах города. Этим занимались ученики, подмастерья, прислуга,

¹⁰ Что складывалось из многих позиций и ярко отражалось в возможностях браков в среде мастеров и подмастерьев см. *Кириллова Е.Н.* Влияние регламентации на семейное положение и благосостояние ремесленников. – Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, № 23. Специальный выпуск: Брак и семья в контексте гендерной истории. М., 2008, с. 212–225.

¹¹ *Маркс К.* Капитал, т. 1, с. 362–363.

¹² *Hafters D.M.* *Avantage, femme: la participation des femmes au négoce illégal à Lyon au XVIIIe siècle.* – *Artisans, industrie. Nouvelles révolutions du Moyen Âge à nos jours. Textes réunis par N. Coquery, L. Hilaire-Pérez, L. Sallmann, C. Verna.* Cahiers d'histoire et de philosophie des sciences, № 52. Paris – Lyon, 2004, p. 253.

домочадцы, но, если у мастера не было помощников, он был вынужден делать это сам. Небольшие расстояния умаляют важность такой работы, делая ее малозначительной¹³.

В мануфактурную эпоху при резком увеличении масштабов производства неквалифицированный и малоквалифицированный труд оказался существенной составляющей в общем объеме работ и, соответственно, затрат. Не все эти виды труда было принято учитывать, и часть из них оказалась в какой-то степени “неожиданной” для предпринимателей. Не будучи непосредственно связанными с производством, в экономических теориях они порой представлялись непроизводительными и “лишними”, получая уничижительные определения. Так, К. Маркс, отделяя производительный труд, создающий стоимости, от труда как обслуживания, направленного на удовлетворение непосредственных потребностей, в “Экономических рукописях 1857–1859 годов” высказывал самое негативное отношение к людям, занимающимся таким “неполноценным” трудом: “Есть много подобного сброда, начиная от проститутки и кончая папой”. Сюда же он отнес и «честный и “трудолюбивый” люмпен-пролетариат», приведя в качестве примера портовых носильщиков, услуги которых не нужны их клиенту “как капиталисту”, а должны быть приписаны “его общечеловеческой слабости”¹⁴. Позднее из раздела о первоначальном накоплении в первом томе “Капитала” (и из других разделов тома) все эти сюжеты выпали.

Мануфактура, и рассеянная, и централизованная, нуждалась не только в высококвалифицированных специалистах, но и в рабочих, знавших не все ремесло, как то полагалось мастеру, а лишь какую-то его часть. Историкам хорошо известны разные традиции обучения ремеслу, в том числе внекорпоративные¹⁵, создававшие специалистов разной квалификации, у которых были разные пути в рамках профессии. Но только мануфактурное производство “потребовало” таких работников, которые, изначально не имея квалификации (не обучаясь ремеслу) приобретали ее в минимальном объеме, причем уже в ходе работы (а не до ее начала), и сразу же, в сложении многих “частичностей”, составляли “совокупность”, соответствовавшую годам обучения и практике средневекового ремесленника.

Подмастерья или ученики в ремесленной мастерской могли выполнять часть необходимых для получения конечного продукта операций, что контролировалось и определялось мастером, но их деятельность была разнообразна, а не монотонна, поскольку их учили выполнять многие виды операций и всю работу целиком. Ученик во время обучения представлял интерес даже своей невысокой квалификацией, а у подмастерья она всегда была высокой.

Применительно к мануфактурам и к ремесленному производству раннего Нового времени отдельную задачу составляет определение изменений в соотношении квалифицированных и неквалифицированных специалистов. Работники рассеянной мануфактуры квалифицированы в той мере, в какой это предполагается их ролью в изготовлении изделий. Среди работников централизованных мануфактур было много квалифицированных специалистов – в шелководии, книгопечатании, судостроении, оружейном деле, в горнодобывающих отраслях и др. Для этого времени имеется крайне мало статистических данных¹⁶, но, чтобы не рассуждать в категориях много – мало, следует отметить

¹³ Ее можно сравнить с пробелами между словами: в этих местах текста нет, но, если их убрать, его вообще не будет, он перестанет быть текстом и не сможет быть даже набором слов.

¹⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1. М., 1968, с. 222 – 223.

¹⁵ *Pellegrin N.* L'apprentissage ou l'écriture de l'oralité. Quelques remarques introductives. – *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1993, т. 40–3, Apprentissage (XVIe – XXe siècles), p. 367; *Crowston C.H.* L'apprentissage hors des corporations. Les formations professionnelles alternatives à Paris sous l'Ancien Régime. – *Annales. Histoire, Sciences sociales*, 2005, № 2, p. 415; *Robin-Romero I.* Les orphelins de Paris: enfants et assistance aux XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 2007, p. 199 – 234; и др. работы.

¹⁶ Для более позднего времени количество высококвалифицированных работников определяют как 5 – 10% от общей численности рабочей силы. – Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени, с. 56.

два существенных момента. Историки подчеркивают принципиальную ценность для предпринимателя именно квалифицированных рабочих, от которых зависело само существование предприятия. Достаточно было иммиграции или эмиграции таких рабочих, чтобы мануфактура могла возникнуть или переместиться¹⁷. В XVII в. важнейшим фактором таких миграций выступала конфессиональная принадлежность¹⁸. В конце XVII – в XVIII в. из Франции из-за крайнего религиозного давления мигрировало “всего... 1,2–1,3% французского населения, но элита из элит, пятая или четвертая часть торгового и промышленного потенциала Франции”¹⁹, что сильно отразилось на французской экономике. Второй момент – мануфактурная организация производства позволила применять неквалифицированный труд не только в тех отраслях, которые не могли без него обойтись, но и там, где ранее возможен был только квалифицированный труд. Так, в начале XVII в. французское книгопечатание оказалось неспособным конкурировать с фламандским, которое было в два раза дешевле из-за более дробного разделения труда, поэтому многие операции могли выполняться менее квалифицированными рабочими с более низкой оплатой²⁰.

Если обратиться к конкретным данным о численности работников на французских мануфактурах и в мастерских в раннее Новое время, то в Лионе в 1669 г. на 52 шелковых мануфактурах трудились, как полагают, 20 тыс. человек²¹. Однако крупные предприятия, насчитывавшие более 200 работников, были редкостью, и хотя на предприятии Компании зеркал в Сен-Гобене в 1700 г. числилось 800 работников, 700 из них обеспечивали доставку топлива (рубили и привозили лес²²), а у печей работали около 100 человек²³. В 1693 г. в Марселе было 29 мастерских, делавших снасти и такелаж, в которых работали 32 мастера. В большинстве мастерских (75%) нанимали одного – двух работников. В двух мастерских мастера работали в одиночку, в трех мастерских нанимали по три работника. Только в одной мастерской было четверо и в одной – пятеро работников²⁴. По данным налогообложения, в 1685 г. в Реймсе работали 1500 мастеров, занимавшихся изготовлением разных видов тканей, и 2565 работников²⁵. 105 мастеров (7%) не использовали наемный труд. По одному работнику было у 930 мастеров (62%), два – четыре работника – у 450 (30%), пять или более работников нанимали всего 15 мастеров (1%). В 1746 г. данные реймского налогообложения фиксируют совершенно иную картину. Самые разительные перемены затронули мастерские с одним работником: таких осталось всего 12%. Мастеров, нанимавших одного – четырех работников, стало в 10 раз меньше. По мнению исследователей, это свидетельствует о произошедшем к середине XVIII в. “глубоком структурном изменении системы производства”, исчезновении мелкого семейного предприятия²⁶. Однако исчезают не самые мелкие мастерские, не привлекавшие наемных работников, но, несомненно, использовавшие

¹⁷ Люблинская А.Д. О некоторых особенностях мануфактурного этапа в развитии капитализма. – Средние века, вып. 27. М., 1965, с. 5; Чистозвонов А.Н. Некоторые основные теоретические проблемы генезиса капитализма в европейских странах. М., 1966, с. 71; *его же*. Генезис капитализма, с. 50–51; и др. работы.

¹⁸ *Deursen A.Th. van*. Professions et métiers interdits. Un aspect de l'histoire de la révocation de l'Édit de Nantes. Groningue, 1960.

¹⁹ Шоноу П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005, с. 148.

²⁰ Люблинская А.Д. Указ. соч., с. 19.

²¹ *Jaeger Ch.* Artisanat et capitalisme. L'envers de la roue de l'histoire. Paris, 1982, p. 53.

²² О значении леса в жизни города, для промыслов и ремесел, о его вырубке, об организации доставки дерева и переносе производств в районы его произрастания см. *Кюстер Х.* История леса. Взгляд из Германии. Пер. с нем. Н.Ф. Штильман. М., 2012, гл. XIV–XVI.

²³ *Малов В.Н.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991, с. 182.

²⁴ Подсчитано по спискам, опубликованным в кн.: *Reynaud J.* Un vieux corps de métier marseillais: les auffiers. Marseille, 1929, p. 94–97.

²⁵ *Histoire de Reims*. Sous la dir. de P. Desportes. Toulouse, 1983, p. 209.

²⁶ *Ibid.*, p. 210.

семейные трудовые ресурсы, – они остаются стабильными: 105 мастеров (7%) – 99 мастеров (25%), – а средние, с двумя – четырьмя наемными работниками, процветавшие при благоприятной конъюнктуре и быстро разорявшиеся при неблагоприятной.

Отсутствие наемных работников не означало, что мастер трудился в одиночку. Вопрос о численности учеников, помощников и подмастерьев закономерно находится в центре внимания исследователей, поскольку от этого напрямую зависело количество продукции, которое могло быть произведено в мастерской. Но в этом отношении не менее важную роль играли члены семьи мастера: его братья или братья его жены, племянники, крестники и другие родственники, временно или постоянно проживавшие в доме мастера, выучившиеся (или даже не обучавшиеся) ремеслу, но не имевшие возможности завести свое дело. Вопрос об их участии в работе был внутрисемейным, он не выносился на всеобщее обсуждение, его по-своему решал каждый глава семьи – поэтому в ремесленных регламентах почти не встречается никаких запретов или разрешений подобного рода. Домочадцы регулярно упоминаются в нормативных актах, но в самых “неквалифицированных” ситуациях, наравне со слугами и служанками (когда они относят готовое изделие заказчику и т.п.). Что касается детей мастера, то, пока сын учился ремеслу у отца и был фактически неквалифицированным помощником, корпорации не учитывали его труд, ограничивая только число взятых в обучение посторонних для мастера детей. Когда же сын мастера вырастал и становился специалистом, его работа в мастерской отца могла представлять проблему. Ее начали обсуждать, а количество детей, имевших право работать с отцом, стало ограничиваться на законодательном уровне. Для реймских стригальщиков сукна, например, в 1675 г. было принято постановление, в соответствии с которым во время поста мастеру разрешалось иметь в мастерской не более четырех работников, включая его сыновей. В остальное время – не более трех работников²⁷. Ужесточились и ограничения в распространении корпоративных привилегий на детей мастера. В XVIII в. сыновей мастера начинают делить на две категории в зависимости от времени их рождения, соотнесенного со временем получения звания мастера их отцом. Традиционные привилегии получают только те сыновья, которые родились у признанного корпорацией мастера. Те же, кто родился раньше этого срока, приравнивались к посторонним ученикам и не могли претендовать на корпоративные привилегии²⁸.

Разница между теми мастерами, у кого был один работник или два, невелика, а нанимавшие четырех или пятерых – шестерых работников должны были задуматься о том, где и как те будут трудиться. Обычной ремесленной мастерской, не рассчитанной на такое количество людей, для них было бы уже недостаточно. Регламенты не случайно уделяли внимание месту, где работал подмастерье: в мастерской ли нанявшего его мастера или в другом месте (в своем доме, в своей комнате)²⁹. Простое увеличение численности работников, которых мастер мог обеспечить сырьем, инструментами и заказами, приводило к тому, что традиционная организация ремесла становилась невозможной. Соответственно, хорошо известный для раннего Нового времени запрет нанимать несколько подмастерьев консервировал размеры мастерских и в целом мелкое производство. С другой стороны, даже небольшое увеличение численности работников

²⁷ Archives législatives de la ville de Reims. Publ. par P. Varin. Paris, 1847, pt. 2, v. 2, p. 395, not.

²⁸ Такие нововведения появились в середине XVIII в. у сапожников (1740 г. – Archives législatives de la ville de Reims, p. 256, not. 1), булочников-кондитеров (1743 г. – Ibid., p. 155, XIII) и портных Реймса (1749 г. – Ibid., p. 529, not.).

²⁹ Требование, чтобы подмастерье работал только в мастерской и в доме нанявшего его мастера, устанавливали многие ремесленные корпорации Реймса: изготовители шелковых изделий в 1600 г. (Archives législatives de la ville de Reims, p. 381, [XII]), красильщики в 1669 г. (Ibid., p. 905, XCI), столяры в 1684 г. (Ibid., p. 349, XLV), колпачники в 1706 и 1735 гг. (Ibid., p. 284, XVI, XVIII), изготовители шерстяной кисеи в 1710 г. (Ibid., p. 230–231, XXIV), ножовщики в 1739 г. (Ibid., p. 1038–1039, XIII), книгопечатники в 1749 г. (Ibid., p. 470, not.). Сапожники и починщики обуви в 1774 г. говорили о подмастерьях, желавших “работать в своих комнатах”, – тех, кто имел ни мастерских, ни лавок и не вступал в корпорацию (Ibid., p. 248, XII).

нарушало традиционные для ремесла принципы (могли ли все эти работники жить и работать в доме мастера, за его счет есть и одеваться).

Именно к концу Средневековья относят изменение общественных представлений о трудовой деятельности, формирование стереотипов, связывавших с понятием “работа” “только участие в рыночной экономике и, в особенности, в сфере производства”³⁰. Особое внимание к этим ментальным конструкциям проявили в последние десятилетия историки гендера, подчеркивая отрицание статуса “работы” применительно к ведению домашнего хозяйства, женской по преимуществу деятельности, как и к репродуктивной в широком смысле этого слова деятельности женщин: вынашиванию и воспитанию детей, заботе обо всех членах семьи³¹.

Современные исследователи обращают самое пристальное внимание на взаимосвязь между изменениями в организации производства и участием в нем женщин и детей, а значит, и демографическими последствиями (более поздним вступлением в брак, в целом формированием комплекса ограничений для вступления в брак и др.), изменениями в организации и материальном обеспечении домашних хозяйств (дополнительный доход от женского и детского труда), изменением ценностных установок (повышение ценности женщин как работниц, разумеется, в разной степени для различных регионов Европы)³².

В числе важнейших характеристик “нового” труда специалисты называют некогнитивные навыки: культуру лояльности и уравновешенности, готовность к точному выполнению инструкций и сотрудничеству с другими работниками³³. Новые технологии и принципы организации труда требовали от “частичных” работников высокого (и во многом – нового) уровня координации, который был невозможен без соответствующей готовности к сотрудничеству. В этом также видят истоки “преференций в занятости более сговорчивым работникам, даже в тех случаях, когда они не обладали высокой квалификацией, таким, как женщины и дети”³⁴.

Таким образом, экономика Нового времени “обнаружила” и с выгодой применила такую особенность человеческого капитала, как привычка “частичного” работника к дисциплине.

Еще одной характеристикой рабочей силы в мануфактурную эпоху, мало привлекавшей внимание специалистов, является непостоянная занятость как типичное состояние доиндустриального пролетариата³⁵. Необходимость в привлечении рабочей силы определялась спросом на изделия, а его отсутствие вело к отсутствию работы. Ф. Бродель указывает на надомный труд, обладавший подобной характеристикой. Однако именно неквалифицированные работники оказывались той категорией рабочей силы, которая была способна “появиться”, если на нее возникал спрос, и перейти в другую сферу производства, когда возникала такая возможность или необходимость, чему способствовали отсутствие специальных знаний и способность к быстрому приобретению новых навыков в купе с рассмотренной выше готовностью к дисциплине.

³⁰ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002, с. 77.

³¹ Там же.

³² Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени, с. 34, 346–351. О роли женщин в экономической сфере в раннее Новое время см.: Хафтон О. Женщины, труд и семья. – История женщин на Западе. Под общ. ред. Ж. Дюби, М. Перро. Т. III. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. Под ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. Пер. с англ., науч. ред. перевода Н.Л. Пушкирева. СПб., 2008, и др. работы.

³³ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени, с. 57–58. Авторы главы “Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства” Д. Мокир и Г.-И. Фотх ссылаются здесь на работу Д. Хекмана и Й. Рубинштейн 2001 г., а также на исследования С. Полларда 1965 г., Г. Кларка 1994 г. и Х. Бута 1995 г., сюжеты которых относятся преимущественно к концу XVIII, XIX и XX вв.

³⁴ Там же, с. 58.

³⁵ Бродель Ф. Указ. соч., с. 612. Бродель ссылается на работу Дж. Хикса 1939 г.

Исходную точку переворота в мануфактуре специалисты видят не в технических изменениях, не отрицая, однако, их значения³⁶, а в изменениях, произошедших с “рабочей силой”³⁷. Стало возможным “дробление” того, что ранее представлялось целостным и неделимым³⁸: мастер отделялся от мастерской, статус мастера – от мастера как человека (при том, что материальность и дробность прав и привилегий хорошо знакомы Средневековью, их не знало средневековое ремесло). Профессиональными знаниями обладал один человек, а возможностью применить их – другой. Дробились и знания: профессиональные секреты становились достоянием чиновников, которым эти секреты нужны были не для воплощения их в работе, а для оценки чужого труда. Сугубо специальные навыки и знания делились на мелкие и мельчайшие части, с каждой из которых мог справиться совершенно не обучавшийся ремеслу человек, и в ряде профессий бесплатным, не без влияния мануфактур, становилось обучение. Параметры, ранее соответствовавшие статусу мастера и определявшие его, “распределялись” между разными людьми, сочетавшими разный социальный статус и разные профессиональные качества.

Недостаточное внимание, уделявшееся прежде роли семьи в профессиональной деятельности ремесленников и торговцев, является одной из причин недооценки неквалифицированного и низкоквалифицированного труда, который сыграл особую роль при переходе к мануфактурному производству, резко расширившему возможности его применения. В рамках ремесленной мастерской потребность в таком труде традиционно удовлетворялась участием в профессиональной деятельности членов семьи и домохозяев: не только жены и сыновей, но и дочерей, младших братьев и сестер хозяина и хозяйки, других совместно проживавших родственников, а также прислуги. Это позволяло ремесленнику не привлекать дополнительную рабочую силу (не нанимать работников и не платить им) и обеспечивало ему более стабильное положение, сглаживало и смягчало негативное воздействие экономической и социальной конъюнктуры и усиливало ее благоприятствование – как возможность расширить производство, не вступая в противоречие с законодательно установленными ограничениями числа работников или станков. Являясь основной экономической единицей доиндустриального общества, семья (домохозяйство) наилучшим образом обеспечивала преемственность в профессиональной деятельности, а перемены, происходившие в экономике и социальной сфере в конце Средневековья и в раннее Новое время, отчетливо выявили ее стабилизирующую роль. Намного более неустойчивым оказывалось положение “средних” мастерских, нанимавших несколько работников: они процветали при благоприятной конъюнктуре и легко могли разориться при неблагоприятной.

Разорившиеся мастера или “вечные” подмастерья, становившиеся работниками мануфактур, постепенно оказывались в положении людей, не имевших ничего, кроме своей квалификации: они работали в чужих мастерских, чужими инструментами и из чужого сырья. Знание ремесла при отсутствии материальной базы не позволяло им стать мастерами (и членами корпораций), и они оказывались лишены тех прав и привилегий, которые обеспечивались корпорациями, – социальной защищенности.

Ремесленное производство предполагало, а вовсе не исключало неквалифицированный труд разного уровня, и никак не мануфактура “создала” необученных рабочих. Однако мануфактурная организация производства позволила применять неквалифицированный труд не только в тех отраслях, которые не могли без него обойтись, но и там, где ранее возможен был только квалифицированный труд. Мануфактуры, особенно централизованные, и в еще большей степени машинное производство нуждались в неквалифицированном и низко квалифицированном труде, испытывая потребность в таких людях и средствах, которые обеспечивали эту составляющую производственного процесса.

³⁶ “Небывалая плотность различного рода изобретений и усовершенствований не могла не привести к переменам в социальной жизни, а затем и в мировоззрении”. – *Уваров П.Ю.* Мир накануне Нового времени. – Всемирная история. Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 3. Мир в раннее Новое время. Отв. ред В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013, с. 33.

³⁷ *Барг М.А., Черняк Е.Б.* Указ. соч., с. 134.

³⁸ Подробнее см. *Кириллова Е.Н.* Ремесленные и торговые корпорации в раннее Новое время. Реймс, XVI–XVIII вв. Saarbrücken, 2011, с. 300 – 308.